

Юлия Друнина Солнще-
на лето

35 коп.

Юлия Друнина

Солнщице-
на лето

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

В книгу известной поэтессы Юлии Друниной вошли стихотворения, написанные в последние три года. Стихи о солдатском мужестве и фронтовом братстве соседствуют в этой книге со стихами о нынешних заботах и тревогах наших современников, с поэтическими откликами на острые события международной жизни.

Художник Александр ЕРЕМИН

* * *

Редко подолгу
Сержусь на кого-то —
Сердце не помнит вины.
Слишком высокие
Точки отсчета
Жизнью мне были даны.
Голову в тесном застолье
Не вскружат
Тосты красивые мне:
Точка отсчета —
Солдатская дружба,
Что не горела в огне.
Неуязвима я,
Взгляды косые
Не задевают меня.
Высшая точка отсчета —
Россия
В грозных объятьях огня.
Страх перед смертью
С тех пор мне неведом,
Справлюсь с бедою любой.

Только бы ты
Не обидел, не предал —
Так беззащитна любовь...

ГОСТЬЯ

Среди царственных пальм,
На чужом берегу,
Где в конце декабря
Солнце в полную силу,
Появилась вдруг та,
Что живет на снегу:
Елка — скромная дочка
России.

Стали капать,
Едва огляделась вокруг,
Слезы — горькой смолою —
К подножью:
— Где я?
Сколько здесь новых
Прекрасных подруг,
Совершенно на нас
Непохожих...

Но не к пальмам,
А к елочке
Люди пришли
И одели пышной,
Чем царицу.
Мне казалось —
Гудят для нее корабли,
Перед тем,
Как с причалом проститься.

Потому что, куда б
Ни швырнуло судьбой,
Где б по свету
Меня ни носило,
Ничего нет желаннее
Встречи с Тобой,
Боль моя, мое сердце —
Россия.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Нельзя прожить,
Не испытав беду,
И в книге жизни
Разные есть главы.
Но вот —
Единственная ночь в году,
Когда грустить
Мы не имеем права.
В кругу друзей,
В кругу семьи,
Один
(И так случается
В пути-дороге),
Перелистав
Том прожитых годин,
Скажи себе:
«Я снова на пороге,
Опять смотрю
С надеждою вперед,
Опять, как в детстве,
Безоглядно верю,
Что принесет мне счастье
Новый год,
Залечит раны,
Возместит потери.
Болеl —
Теперь болезнь перемогу.
Разлюблен — что ж,
Переживу и это.

Я докажу и другу
И врагу,
Что песенка моя
Еще не спета —
Та песенка,
Что мы Судьбой зовем,
Та песенка,
Что мы слагаем сами».
...Бежит, бежит
Дорожка на подъем,
И жизнь летит,
Летит под парусами.
Опять смотрю
С надеждою вперед,
Опять, как в детстве,
Безоглядно верю,
Что принесет мне счастье
Новый год,
Залечит раны,
Возместит потери.
Был старый год
Нелегким для меня,
Порой казалось —
На исходе силы.
Но, никого на свете
Не виня,
Я тихо говорю ему:
— Спасибо! —
Припав к окну,
Ищу свою звезду.
Снег падает
На землю величаво.
Грядет
Единственная ночь в году,
Когда грустить
Мы не имеем права.

ПРО ЗОЛОТУЮ РЫБКУ

Пушкинскую сказку памятуя,
Зная — все возможно
В Новый год,
Я поймала рыбку золотую
На блесну,
Пробив пешнею лед.
Но когда взмолилась бедолага,
Начался несказочный сюжет:
«Не нужны мне
Никакие блага» —
Был на все мольбы ее
Ответ.
Опалило душу мне пожаром —
Темной, жгучей краскою стыда:
«Ничего не получала
Даром —
Получать не буду
Никогда.
В жизни я
Вовеки не ловчила —
Ни в труде,
Ни в дружбе,
Ни в любви...

Что ж ты, золотая,
Приуныла?
Просто так,
Без выкупа,
Плыви!»

ДО ТОЙ ПОРЫ...

Три верных друга
Были у меня.
И первый тот,
Кого всю жизнь любила,
С кем грелась
У домашнего огня,
Ни разу не замерзнув,
До могилы...
Да, наши руки
Разорвала смерть,
И все ж меня
Оплакивать не надо,
Завидовать мне нужно,
Не жалеть —
С таким, как он,
Быть четверть века
Рядом!

...Был просто друг —
Товарищ фронтовой,
Большой поэт,
В быту — ребенок малый.
Над ним,
С опущенною головой,
В почетном карауле
Я стояла.
С опущенной
Стояла головой,

А мысль одна
Виски сверлила снова:
Танкист, в войну
Остался он живой,
Чтоб вдруг сгореть
В огне костра мирского.

Еще ушла
Подружка школьных лет.
Она звезд с неба,
Может, не хватала,
Но в ней пылал
Такой душевный свет!
Как в лампе
Тыщевольтного накала.

Зачем, казалось бы,
Под Новый год
Нам перечитывать
Ушедших списки?
Затем, что друг
До той поры живет,
Пока его не забывает
Близкий...

БЕЛЫЙ ПУХ

Замело Подмосковье —
Метели сменяют метели.
И сегодня в сельмаг
Можно только на лыжах пройти.
Ах, какие перины
Зима наша щедрая стелет!
Словно пух из подушек,
Снег лохматый летит.
Белый пух!
Белый пух!
Задыхаясь от ветра,
Я на лыжах в сельмаг
Побегу завтра утром опять.
Белый пух!
Снежный дух!

Неужели до нового века —
Двадцать первого века! —
Рукою подать?

СОЛНЦЕ — НА ЛЕТО

Вновь календарь
Эту радость принес:
Солнце — на лето,
Зима — на мороз.

Что мне мороз,
Если стало светлей
В храмах лесов,
В сонном царстве полей?

Если я слышу
Дыханье весны,
Если я вижу
Апрельские сны?

Только одно
Огорчает до слез:
Солнце — на лето,
Года — на мороз...

ЕСТЬ В РОССИИ СВЯТЫЕ МЕСТА...

Есть в России
Святые места.
Если друг
Тебя в горе покинет,
Если вдруг
На душе пустота,
Ты пойдь,
Приложись к святыне.
Поброди
Вдоль Тригорских прудов,
По Михайловским
Ласковым рощам —
Как бы ни был
Наш век суров,
Там все сложное
Станет проще.
И над Соростью голубой
Вдруг обратно
Помчится время,
Ты свою
Позабудешь боль,
Обретишь ты
Второе зренье...

* * *

Какие только
Не случались были!
Сравнится ль сказка
С правдою иной?..
Тригорское, Михайловское
Были
Всего лишь селами,
Разбитыми войной.
И в тех аллеях,
Что для сердца святы,
Там, где поэт
Бродить часами мог,
Фельдфебель из Баварии
Впечатал
Следы своих
Подкованных сапог...

ГРАФИНЯ ВОРОНЦОВА

Какое тонкое
И гордое лицо!
Не забываются
Такие лица...
Свetaет.
Пушкин вышел на крыльцо.
Не Сороть —
Море Черное дымится.
Прикрыл глаза:
Уединенный грот,
И женщина,
Забывшая гордыню,—
Графиня Воронцова...
Нежный рот,
Покорный умный взгляд,
Бровей разлет...
Когда же
Наваждение пройдет,
Когда же страсть,
Когда любовь остынет?
Когда освободится от оков
Незащищенная душа поэта?
Ведь ныне
Даже лепет ручейков
Ему напоминает
Моря лепет
И лепет женщины.
Уединенный грот,

Он, обнимающий
Ее колена...
Когда же
Наваждение пройдет,
Когда же
Вырвется душа из плена?
Когда, когда?..
Присел он на крыльцо,
Не Сорочь —
Море Черное дымится.
А в дымке
Тонкое и гордое лицо —
Не забываются
Такие лица...

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вздыхает ветер,
Штрихует степи
Осенний дождик —
Он льет три дня...
Седой, нахохленный
Мудрый стрепет
Глядит на всадника
И коня.
А мокрый всадник,
Коня пришпоря,
Летит наметом
По целине.
И вот усадьба,
И вот подворье,
И тень,
Метнувшаяся в окне.
Коня — в конюшню,
А сам — к бумаге,
Письмо невесте,
Письмо в Москву:
«Вы зря разгневались,
Милый ангел —
Я здесь, как узник
В тюрьме, живу.
Без вас мне тучи
Весь мир закрыли,
И каждый день
Безнадежно сер.

Целую кончики
Ваших крыльев
(Как даме сердца
Писал Вольтер).
А под окном,
Словно верный витязь,
Стоит на страже
Крепыш-дубок...
Так одиноко!
Вы не сердитесь:
Когда бы мог —
Был у ваших ног!
Но путь закрыт
Госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую,
Схожу с ума.
А небо серо,
На сердце серо,
Бред карантина —
Тюрьма, тюрьма...»
Перо гусиное
Он отбросил,
Припал лицом
К холодку стекла...

О, злая
Болдинская осень!
Какою доброю
Ты была —
Так много
Вечности подарила,
Так много
Русской земле дала!..
Густеют сумерки,
Как чернила,

Сгребает листья
Ветров метла.
С благоговеньем
Смотрю на степи,
Где Он
На мокром коне скакал.
И снова — дождик,
И снова стрепет —
Седой, все помнящий
Аксакал...

НАТАЛЬЯ ПУШКИНА

И просто ли испить
Такую чашу —
Подругой гения
Вдруг стать в осьмнадцать лет?
Наталья Николаевна, Наташа!
И после смерти
Вам покоя нет!

Была прекрасна —
Виновата значит,
Такое ясно каждому,
Как день.
И негодуют, сетуют, судачат,
И судят-рядят
Все, кому не лень.

А просто ли испить
Такую чашу,
И так ли весело
И гладко шли
Дела у той,
Что сестры звали
«Таша»,
А мы — великосветски! —
«Натали»...

Поэта носит
По степям и хатам,
Он у «Емельки Пугача»
«В плену».

Лишь спрашивает в письмах
Грубовато,
По-русски, по-расейски:
— Ты брюхата? —
Свою великосветскую жену.

И на дворе на постоялом
Где-то
Строчит ей снова:
— Не зови, постой! —
И тянутся прелестницы
К поэту,
И сам он, как известно,
Не святой.

Да, торопила —
Скоро роды снова,
Да, ревновала
И звала домой.
Что́ этой девочке
До Пугачева,
Когда самой
Хоть в петлю лезть порой?

Тонка, бледна, застенчива —
Мадонна,
Как будто бы сошедшая
С холста.
А сплетни, анонимки —
Все законно:
Всегда их привлекала
Красота.

Но повторять наветы
Нам негоже.

Забыли мы,
Что, уходя с земли,
Поэт просил
Наташу не тревожить, —
Оставим же в покое
Натали...

ВРАГ ЧЕХОВА

Всегда врагов
У Гения немало,
Но, может, пошлость —
Самый страшный враг...
Его душа измаялась, устала
От мелких
Обывательских атак.
От дам, лепечущих
«Он душка, право!»,
От ругани журнальной
И похвал:
Всерьез капризную особу —
Славу —
Художник никогда
Не принимал.

Жизнь таяла,
Как месяц на ущербе,
Его нашла в Германии беда.
И это еле слышное:
— Их штербе!¹ —
И жуткое паденье
В никуда...

Но пошлость
Миг для мщенья не упустит:

¹ Я умираю! (нем.)

Когда на родину
Вернулся он,
То на вагоне траурном —
«Для устриц» —
Прочел людьми заполненный перрон...

* * *

Ушел туда,
Откуда нет возврата,
А говорил —
Не бросишь никогда.
Здесь надо мною
Тучи в три наката,
Их никакая
Не пробьет звезда.

Здесь опускает
Белые ресницы
Российская дремучая зима...
Забыться бы,
Любой ценой забыться!
Иначе попросту
Сойдешь с ума...

* * *

Припоздала зима
В Подмоскowie,
И земля беззащитно нага.
Раны летних биваков
С любовью
Лишь сегодня
Бинтуют снега.
Стало празднично в роще
И чисто,
Нет бутылок и банок
Нигде.
Только медленно
«Завтрак туриста»
В незамерзшем
Дрейфует пруде.
В рыхлом насте
Мой валенок тонет.
Лес торжественно,
Девственно бел.
Лишь чернеют,
Как гнезда вороны,
На деревьях
Папахи омел.
Всюду празднично,
Радостно, чисто,
Нет бутылок и банок
Нигде.
Только плавает
«Завтрак туриста»,

Как фрегат,
В незамерзшем пруде.
Только знать мне
И страшно, и странно,
Что ушел ты с земли
Навсегда...

Может, лягут
Бинтами на раны,
Как снега на кострища,
Года...

* * *

Как при жизни тебя любили!
Мнилось —
Больше любить нельзя.
И клялись на твоей могиле
Вечно помнить тебя друзья.

Почему?
Нету здесь вопросов,
Тот, кто знал тебя —
Сам поймет...
И за каждого,
Как Матросов,
Ты бросался на пулемет.

Оказались друзья
Дружками,
Оказались дружки
Дельцами,
Целлофановыми сердцами...
Только в них я
Не брошу камень.

Бросить камень
За то, что расту
Человеку недостает?..
Не забыли тебя.
А просто
Слишком много
Своих забот...

* * *

Что горше разлуки,
Что вечной разлуки страшнее?..
Но хочется мне
Потерявшим любимых
Шепнуть:
— Боритесь с тоскою,
Сражайтесь, как можете,
С нею,
Друзьям улыбайтесь,
Хотя разрывается грудь.

Есть высшая гордость —
Окоп никогда не покинуть,
Быть в списке бойцов,
Если даже сражен наповал...
Есть высшая гордость —
Навеки остаться такими,
Какими бы видеть
Вас тот, кого нету, желал.

* * *

Зачем нам дарит жизнь
Любовь и дружбу?
Теряем близких мы,
Теряют нас они.
Зачем же прикипать
Сердцами нужно?
Сосчитаны у человека дни.
О, как бы стали мы
Неуязвимы,
Ни за кого на свете
Не страшась!
И сколько пуль бы
Пролетало мимо,
И сколько бедствий
Миновало нас!
Порой рассудка голосу
Не внемля,
Устав метаться,
Мучиться, терять,
Я в гневе
Эту проклиная землю,
Как дети злую
Проклинают мать.
Мне не под силу
Новых бедствий глыбы,
Мне не под силу
Горя целина...
Потом, опомнясь,
Говорю: «Спасибо

За то, что все мне
Выдано сполна,
Что сердце не горело
Вполнакала,
Что скидок мне
Не сделано нигде.
Благодарю судьбу —
Я испытала
Все то, что делает
Людьми людей».

* * *

И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмеились около Москвы.

Похоронки,
Раны,
Пепелища...
Память,
Душу мне
Войной не рви!
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.

Лишь любовь
Давала людям силы
Посреди ревущего огня.

Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.

ГОЛОС ИГОРЯ

Часть войска князя Игоря
была конной — дружинники,
а другая — пешей — смерды,
«черные люди».

«Как волков обложили нас
Половцев рати.
Несть числа им,
Лишь кони дружину спасут.
Ну, а пешие смерды?..
Тяжело умирати,
Но неужто мы бросим,
Предадим чернѣй люд?»

Голос Игоря ровен,
Нет в нем срыва и дрожи.
Молча спешились витязи,
Предавать им негоже.

Был в неравном бою
Схвачен раненый Игорь
И порубаны те,
Что уйти не могли...
Но зато через ночь
Половецкого ига,
Через бездны веков,

Из нездешней дали
Долетел княжий глас:
«Нелегко умирати,
Только легче ли жить
Во предателях, братья?»»

НА БАСТИОНАХ

Севастополь
В черном дыме тонет,
В каждую траншею
Дым проник.
Капитан Толстой
На бастионе,
Граф Толстой
Задумался на миг.
Знает —
Тишина взорвется скоро,
Знает —
Ровно через шесть минут
В контратаку
Бросит волонтеров
Он
На неприятельский редут.
Загорланят,
Надрывая душу,
Глотки иноземных батарей...
Подошел, слегка сутулясь,
Тушин,
И глядит, прищурясь,
Князь Андрей.
Честь и доблесть предков —
В наших генах,
О России
Пули пели мне
На Отечественной,
На Священной,
На Освободительной войне.

Севастопольским
Горящим летом
В контратаку
Поднимал солдат
Лишь вооруженный
Пистолетом,
Наспех перевязанный
Комбат.

* * *

Уклончивость —
Она не для солдата:
Коль нет,
Так нет,
А если да,
То да...
Ведет меня и ныне,
Как когда-то,
Единственная —
Красная —
Звезда.

И что бы в жизни
Ни случилось, что бы —
Осуждены солдатские сердца
Дружить до гроба,
И любить до гроба,
И ненавидеть
Тоже до конца...

НА РОДИНЕ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Б. П.

1

Вологодский говорок певучий,
Над резными домиками дым,
Звезды, протаранившие тучи,—
Две с орбит сошедшие звезды.

Только две. Их не видала ране.
Может, родились они вчера?..
Как бинты на незажившей ране —
Считанные эти вечера.

Тропки к речке. Прорубь. Бездорожье.
Отступает боль, светлеет грусть.
Эти руки протянул Сережа,
Подарил мне Северную Русь.

Подарил мне над Шексною тучи,
Две, с орбит сошедшие, звезды,
Вологодский говорок певучий,
Вьюгу, заносящую следы.

2

Теперь я увижу не скоро,
Сергей, Белозерье твое,
Где женщины,
Словно жонглеры,

Шестами полощут белье,
Красиво, уверенно, смело
Полощут белье в прорубях.
Где гуси над озером Белым
Тревожно и грустно трубят.
(Куда вы летите, куда же?
Меня прихватите с собой!..)
Здесь «Здравствуйте!»
Ласково скажет
Приезжему встречный любой.
Здесь мальчик,
С глазами, как блюдца,
Вдруг мне подарил туесок,
Здесь с другом нам
В юность вернуться
Позволила жизнь на часок,
Там, где часовые-сугробы
На страже молчанья стоят
И где позабыли мы оба
Про тяжесть годов и утрат...

СЕРГЕЮ

Душный полдень.
Рычит грузовик разъяренно,
А солдаты
Веселую песню поют.
Тесно мальчикам в кузове,
Как в обойме патронам...
Показалось — Сергей,
Показалось — он тут.
В чудеса я не верю,
К несчастью...
Но все же,
Замерев,
С колотящимся сердцем
Стою:
Полыхнул голубыми глазами
Сережа
И умчался
В армейскую юность свою.
Тот же чуб,
Тот же лоб,
Тот же взгляд
У солдата —
Как патрон на патрон
На тебя он похож.
...Ты не встретишь,
Сергей,
Юбилейную дату
И к столу, где товарищи,
Не подойдешь.

Мы хороним друзей,
Нас осталось немного,
Но деремся еще
На переднем краю...

Полыхнул голубыми глазами
Сереге
И умчался
В армейскую юность свою.

* * *

Эта крымская осень
Скорее похожа на лето
Наших нечерноземных,
Умеренных наших широт...
Не печалься, товарищ мой —
Песенка наша не спета:
Разве может огонь
Превратиться когда-нибудь
В лед?

Вот и стали легендами
Наши окопные были.
Я порой удивляюсь сама —
Неужели то было со мной?..
Эх, как мало осталось солдат,
Что «прописаны» были
На переднем краю,
В батальоне пехоты
Войной...

Чередой уходят годки,
Что в боях не убиты,
Меж собою и нами
Захлопнув свинцовую дверь.
Потому-то друг к другу,
Как будто бы сильным магнитом,
Так нас тянет теперь,
Так оставшихся тянет теперь.

Мы навеки отмечены
Юности огненной метой,
Мы готовы, не сетуя,
Встретить последний поход...
Наша поздняя осень
Скорее похожа на лето —
Разве может огонь
Превратиться когда-нибудь
В лед?..

ВОРОБЬИ

Едва затих состава гром,
Прорвался щебет, писк —
Откуда под землей,
В метро
Вдруг воробьи взялись?

Откуда?
Скачут, мельтешат,
Беспечно, как в лесу,
И что-то в клювах малышам
Взъерошенным несут.

Змеиный корпус распластав,
От станции разбег
Берет очередной состав,
Безжалостен, как век.

Все на своем пути снесет...
Но весело над ним
Щебечет воробьиный взвод,
Как жизнь, непобедим.

ОСЕНЬ В ПЛОВДИВЕ

Октябрьский знойный день.
Ни ветерка.
Синь.
Облачков веселые буруны...
Болгария моя!
Ты мне близка,
Ты лучшие в душе
Задела струны.
О, как мягки здесь
Очертанья гор!
...Военным ветром
В этот край заброшен,
Глядит на Пловдив
И на мир
В упор
Из каменных глазниц
Мой друг Алеша.
Он был солдатом —
Юным и простым.
Столицы брал,
Форсировал он реки,
И над болгарским городом
Застыл
Вдруг в плащ-палатке каменной
Навеки...
Алеша!
Ты остался молодым,
И девушки тебе
Цветы приносят.

Мне жжет глаза
Воспоминаний дым —
Вернуться бы
В ту фронтовую осень!
Болтать с тобою,
Юным и простым,
Шагая с автоматом
За плечами...
Но над прекрасным городом
Застыл,
Став памятником,
Мой однополчанин...

* * *

На печаль
Я наложила вето,
Предаваться ей
Мне ни к чему.
Захлебнусь в степи
Полынным ветром,
Сердце к выжженной земле
Прижму.

Ах, земля!
Опять, опять я с нею —
Прижимаюсь,
Словно на войне.
Не забыть
Легенду про Антея —
От земли
Не оторваться мне.

Снова,
Словно прячась от снаряда,
Зубы сжав,
Ей падаю на грудь...

Родина! Любимая!
Ты рядом,
Рядом с сердцем
В трудный час побудь!

* * *

Твои тюльпаны
На Его могиле —
Как жизнь со смертью
Переплетена!..
Я озираюсь,
Словно пробудили
Меня от летаргического сна.

Еще не все,
Должно быть, понимаю,
Еще не все,
Должно быть, сознаю.
С тобою
Под звенящим небом мая
Я над Его могилою стою.

Смерть ничего перечеркнуть
Не в силе.
Но жизнь есть жизнь.
Поют невдалеке.
Твои тюльпаны
На Его могиле,
Моя рука
Лежит в твоей руке.

* * *

Да, все границы стерты,
Да, пройдена черта,
Коль целовала мертвых
В застывшие уста,
Коль проскользнула тропкой
У смерти на краю...
Что ж девочкою робкой
Перед тобой стою?
Чего теперь страшиться,
Чего робеть, скажи?..

Опять свои границы
Вернуть стремится Жизнь.
Твердит: «Начни сначала,
Как с чистого листа,
Хотя и целовала
Застывшие уста».

* * *

Как тоскуют в ночи поезда,
Пролетая угрюмый Сиваш!..
Я тебя никогда не предам,
Ты меня никогда не предашь.
Потому что сквозь жизнь пронесли
Кодекс Верности, Дружбы устав.

Как грустят о портах корабли,
Так тоскуют уста об устах.
В облаках, затерявшись из глаз,
Одинокий грустит самолет.

Знаю, жизнь нас обоих предаст —
Кто-то первым навеки уйдет.

* * *

Мне кажется,
Что я тебя люблю
И выхожу
Из черного тумана,
За то, что спас меня ты
На краю,
Пусть для себя
Негаданно-нежданно.
Мне кажется,
Что я тебя люблю —
Глаз северных
Застенчивую просинь,
И молодость окопную твою,
И душу,
Что не остудила осень.
Мне кажется,
Что я тебя люблю
За то,
Что знаком Верности отмечен,
За то,
Что ранен много раз в бою,
Который «Жизнь»
Зовется в просторечье.
Мне кажется,
Что я тебя люблю
За то...
О, нет!
Ведь любят
Не за что-то —

За гуд в крови,
Растерянность свою,
За это ощущение полета.
Мне кажется,
Что я тебя люблю...

* * *

Три дня
И четыре ночи —
Много ли это,
Мало?..
Были они короче
Грозных секунд обвала,
Когда никуда
Не скрыться,
Когда никуда
Не деться
От каменного убийцы,
Что вот-вот раздавит сердце.

Три дня
И четыре...
Вспомни —
Много ли это,
Мало?..
Были они объемней
Жизни иной, пожалуй.
Замешены были круто
В них счастье
С приправой боли...
Неполных четверо суток
Наедине с тобою!

* * *

Я так грущу
По тем комбатам юным,
Знаменам,
Отпывавшим на войне.
А ты задел
Лишь ненароком струны,
Прикосновенья
Ждавшие во мне.
Одна судьба,
Одни воспоминанья,
Один, уже ушедший,
Лучший друг...
Наш поздний путь
Был вычислен заранее —
Могла ли миновать
Заветный круг?
Нет, ничего
Не в силах
Изменить я,
И сердце рвется
Попусту мое.
Там, на войне,
Не думали о быте,
Там, на войне,
Царило Бытие.
Была я глупой девочкой
Когда-то,
Опять люблю,
Как в восемнадцать лет.

Но не тебя —
Люблю того комбата,
Которого давно
На свете нет...

* * *

Которую ночь не спится...
Ты дремлешь,
Припав ко мне.
Льняные твои ресницы
Чуть вздрагивают во сне.

Вздохнул,
Улыбнулся слабо...
Не скоро еще рассвет.

Когда я тебя могла бы
Собою прикрыть от бед!

* * *

То ли гордость,
А то ли злость
Поспешили
Мне на подмогу —
Только сердце
Оторвалось
От души твоей,
Слава богу.

Будет там, где обрыв, —
Рубец.
Сколько их!
Сбилась я со счету...
Сердце мечется,
Как птенец,
Не имеющий сил
К полету.

* * *

До чего весною четки
Очертания дерев!
Две сороки,
Две трещотки
Тараторят, одурев
От слепящей шалой сини,
От смеющихся лучей.
Через камень,
Выгнув спину,
Гибко прыгает ручей.

...Можешь, милый,
Хмурить брови —
Обижаться все вольны.
Но ничто не остановит
Приближение весны.
Это значит, это значит —
Перечеркнут счет обид.
К солнцу, как веселый мячик,
Сердце пусть твое летит.
Там, в звенящем поднебесье,
Там, в пустыне голубой,
Только птицы,
Только песни,
Только мы вдвоем с тобой.

* * *

Люблю отчаянно и глупо
И безоглядно верю, друг.
Так в парашютный верят купол,
В спасательный так верят круг.

Но если вдруг они изменят,
Тогда останется одно:
Сейчас же,
В это же мгновенье
О камни головой, на дно...

* * *

Стало зрение сердца
Острее,
Если сердце прошло
Через ад...
Дорогие,
Миритесь быстрее —
Не существенно,
Кто виноват.

Я прошу вас,
Давайте не будем
Рвать мосты за собой
Сгоряча...
Почему это
Близкие люди
Рубят прямо по душам
Сплеча?

Я прошу вас,
Поймите быстрее —
В битве душ
Победителей нет.
Стало зрение сердца
Острее
После всех испытаний
И бед.

НЕ УБИЛИ МОЛОДОСТЬ МОЮ...

Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой —
Пусть душа
Едва держалась в теле.

И опять летели пули вслед:
Страшен был
Послевоенных лет —
Мне передохнуть
Хотя бы малость!..
Не убили
Молодость мою,
Удержалась где-то на краю,
Снова не согнулась,
Не сломалась.

А потом —
Беды безмерной гнет:
Смерть твоя...
А смерть любого гнет.
Только я себя не потеряла.
Сердце не состарилось
Ничуть,

Так же сильно
Ударяет в грудь,
Ну, а душу я
В тиски зажала.

И теперь веду
Последний бой
С годами,
С обидами,
С судьбой —
Не желаю
Ничему сдаваться!
Почему?
Наверно, потому,
Что и ныне
Сердцу моему
Восемнадцать,
Только восемнадцать!.

* * *

Все просят девочки:
— Прочтите о любви! —
Все просят мальчики:
— Прочтите о войне! —
Но эти ипостаси,
Как ручьи,
В одну реку
Давно слились
Во мне.

Они давно слились
В реку одну.
Пусть удостоверится любой:
Читаю о любви —
Там про войну,
Читаю о войне —
Там про любовь...

* * *

Ты разлюбишь меня...
Если все-таки
Станется это,
Повториться не сможет
Наше первое смуглое лето —
Все в росе по колено,
Все в укусах крапивы.
Наше смуглое лето!
Как мы были
Глупы и счастливы!

Ты разлюбишь меня...
Значит, яростной
Крымской весною,
Партизанской тропой
Не вернешься
Ты в юность
Со мною.
Будет рядом другая —
Вероятно, моложе, яснее,
Только в юность свою
Возвратиться
Не сможешь ты
С нею.

Я забуду тебя,
Я не стану
Тебе даже сниться.

Лишь в окошко твое
Вдруг слепая
Ударится птица.
Ты проснешься
И после
Не сможешь уснуть
До рассвета...

Ты разлюбишь меня?
Не надейся,
Мой милый, на это!

ПРОЩАНИЕ

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Дирижеру, что Смертью зовется,
Покорны.

И хотелось вдове,
Чтоб они замолчали —
Тот кого провожали,
Не сдался б печали.
(Он войну начинал
В сорок первом, комбатом,
Он комдивом закончил ее
В сорок пятом.)

Он бы крикнул, коль мог:
— Выше голову, черти!
Музыканты, не надо
Подыгрывать смерти!
Для чего мне
Рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты,
Походные марши!

...Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Подошла очень бледная
Женщина в черном.
Все дрожали, дрожали
Припухшие губы,
Все рыдали, рыдали
Военные трубы...

И вдова на нее
Долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же —
Эти высокие скулы!
Ах, комдив!
Как хранил он
Поблекшее фото
Тонкошей девчонки,
Связистки из роты.
Освещал ее отблеск
Недавнего боя
Или, может быть, свет,
Что зовется любовью!
Погасить этот свет
Не сумела усталость...
Фотография!
Только она и осталась...
Та, что дни отступленья
Делила с комбатом,
От комдива в победном
Ушла сорок пятом,
Потому что сказало ей
Умное сердце:
Никуда он не сможет
От прошлого деться —
О жене затоскует,
О маленьком сыне...
С той поры не видала
Комдива донине,
И встречала восходы,
Провожала закаты
Все одна да одна —
В том война виновата...
Долго снились комдиву
Припухшие губы,
Снилась шейка,

Натертая воротом грубым,
И улыбка,
И скулы высокие эти...
Ах, комдив!
Нет без горечи
Счастья на свете!..
А жена никогда
Ни о чем не спросила,
Потому что таилась в ней
Умная сила,
Потому что была
Добротою богата,
Потому что во всем
Лишь война виновата...

Чутко замерли флейты,
Застыли валторны,
И молчали, потупясь,
Две женщины в черном...

ВСТРЕЧА

Со своим батальонным
Повстречалась сестра —
Только возле прилавка,
А не возле костра.
Уронил он покупки,
Смяла щеки она, —
Громыхая, за ними
Снова встала Война.

Снова тащит девчонка
Командира в кювет,
По слепающему снегу
Алый тянется след.
Оглянулась — фашисты
В полный двинулись рост...

— Что ж ты спишь,
Продавщица? —
Возмущается хвост.

Но не может услышать
Этот ропот она,
Потому что все громче
Полыхает Война,
Потому что столкнулись,
Как звезда со звездой,
Молодой батальонный
С медсестрой молодой.

* * *

Стареют не только
От прожитых лет —
От горьких ошибок,
Безжалостных бед.
Как сердце сжимается,
Сердце болит
От мелких уколов,
Глубоких обид.
Что сердце!
Порою металл устает,
И рушится мост —
За пролетом пролет...
Пусть часто себе я
Давала зарок
Быть выше волнений,
Сильнее тревог.
Сто раз я давала
Бесстрастья обет,
Сто раз отвечало
Мне сердце:
«О нет!
Я так не умею,
Я так не хочу,
Я честной монетой
За все заплачу...»
Когда слишком рано
Уходят во тьму,
Мы в скорби и гнев
Твердим: «Почему?»

А все очень просто —
Металл устает,
И рушится мост —
За пролетом пролет...

* * *

Ошиблась, как девочка?
Горько...
Но все же усвоить пора,
Что жизнь —
Не покатая горка,
С которой скользит детвора.
И пропасти есть,
И эльбрусы.
Пора догадаться давно,
Что жизнь создана
Не для трусов,
Что жизнь —
Не плохое кино,
Где только одни «хэппи энды»,
Всегда наказуется зло...

Мой слабый,
Мой сильный,
Мой бедный —
Тебе, как и мне, тяжело:
Поднял непосильную ношу,
Ни бросить ее,
Ни нести...
Прости, что страдаешь,
Хороший,
За то, что страдаю —
Прости!

СТАРАЯ ДАЧА

Я и смеюсь, и плачу,
Дальше как жить —
Не знаю...

Милая старая дача,
Бедная и родная...

В окна стучались ветки,
Пахло малиной сладко.
Грубые табуретки,
Хроменький столик шаткий...

Только, наверно, было
В скромности этой что-то —
С непостижимой силой
Спорила здесь работа.

...Нынче наш сад разрежен,
Жирно блестят паркеты.
Где ж вдохновенье,
Где же?
Старая дача,
Где ты?..

* * *

Прошу, любимый мой,
Прости,
Когда бываю резковата:
Прошла неженские пути,
И самый первый —
Путь солдата.
Не при луне,
Не на гумне —
Безвестный раненый
В траншее,
Припав, как суженый,
Ко мне,
Обнял отчаянно за шею.
И я, сжав зубы, поползла,
Таща его,
В разрывах минных...
И «на гражданке»
Я была,
Сказать по совести...
Мужчиной.
Известно только кой-кому,
Что в нищете послевоенной
Слыла «добытчиком» в дому,
Копейке каждой
Знала цену...
А жизнь поэта —
Тоже бой,
Опять бойцовская дорога.

...За то, что я
Резка с тобой,
Меня судить
Не должен строго:
Не только
Пламенем войны,
Не только
Черным сорок первым
Обнажены, обожжены,
Искрят обугленные нервы.

«КУЗНЕЧИК»

Худые коленки и плечи,
Лица заостренный овал.
Дитя, попрыгунья, кузнечик —
Семнадцатый год миновал.
Но с женской,
Недетской тоскою,
По-взрослому
Горько твердит:
— Зачем родилась я
Такою? —
Твердит,
Как рыдает навзрыд.

— А чем тебе, девочка,
Плохо?
Мила, неглупа и юна.

— Рожденная в эту эпоху,
В другие живу времена.
Все снятся мне
Ваши комбаты,
Комбаты Великой войны.
Юнцы-«модерняги» с Арбата
В сравнении с ними
Скучны.

— Ты слишком, дружок,
Резковата:

Не все «модерняги»
Скучны.

— Но снятся мне
Ваши комбаты,
Герои Великой войны.
Мужчины,
С которыми рядом
Любая беда
Не страшна.
Прошу вас,
Смеяться не надо,
Хотя я, должно быть,
Смешна...

И дрогнули
Острые плечи,
Потупилась,
Прядь теребя.

...Совсем не смешно мне,
Кузнечик —
Я так понимаю тебя!

«НА БЕРЕГУ СКУЧНО...»

...Однажды утром мы увидели крохотную яхту. На борту три девушки. Сообщили, что держат курс на Бермудский треугольник. «На берегу скучно...»

(Из документального очерка в «ЛГ»)

Три девчушки
Плывут на Бермуды
На игрушечной яхте смешной —
Если очень захочется чуда,
Разве станешь стоять за ценой?

С яхтой пусть
Ничего не случится,
Хоть шторма ее будут трепать.
Пусть девчушки —
Три хрупкие птицы —
Возвратятся на землю опять.

Но без тайн скучновато,
И худо,
Если знаешь про все наперед.
Позовут их обратно Бермуды,
Голос шторма назад позовет.

Будут вновь
Ураганы им сниться,
Будет вновь
Неизвестное звать.

Три девчушки —
Три смелые птицы —
Полетят на Бермуды опять.

И начнет им нашептывать ветер,
И начнет напевать им волна:
«Никогда не наскучит
На свете
Только тайна,
Лишь тайна одна».

НА ПУТЯХ-ПЕРЕПУТЬЯХ

Снова тряского «газика» кузов,
Гололед, холодок по спине.
И опять комсомольская муза
Возвратилась в ушанке ко мне.

Не являлась в столичном уюте,
А в далекой поездке опять
На безвестных путях-перепутьях
От меня не желает отстать.

И опять по ее повеленью
Вместе ночь мы проводим без сна —
Я пишу на замерзших коленях
Все, что мне надиктует она.

ЗАСТОЛЬЕ

Началось, как всегда —
Проходя сквозь цеха,
У станков и печей
Выступали поэты.
А потом
Раздувала гармошка меха —
Почему мне застолье
Запомнилось это?

Ах, как славно комсорт
На гармошке играл!
Как ему подпевал
Сам директор завода!
Временами казалось,
Что это — привал,
А соседи — бойцы
Из стрелкового взвода.

Почему-то пахнуло
Походным дымком,
Обернулась землянкою
Комната эта...
А на двери написано было:

«Партком» —

У хозяев завода
Гостили поэты...

СТАРАЯ ЛЕНТА

Старая лента —
Обугленный лес,
Юный Алейников,
Юный Бернес...
Дочь говорит:
— Примитив! —
Может быть, правда
В словах этих есть,
Только отвага,
И верность,
И честь —
Непреходящий мотив.
Их проявила на пленке война...
Как надоели мне полутона —
Словно боимся мы
Сильных страстей
Так, как боятся
Незванных гостей...

Старая лента —
Обугленный лес,
«Темную ночь»
Напевает Бернес.
Ах, как волнует
Нехитрый мотив,
Как покоряет сердца
«Примитив»!

НОСТАЛЬГИЯ ПО ТРИДЦАТЫМ

Тогда казалось:
Поздно родились —
Без нас отцы
Страну отвоевали...
Теперь-то знаю,
Что в тридцатых жизнь
Шла на сверхмощном
Боевом накале.
И над полями,
Где шумела рожь,
И над рекою
Стали раскаленной
Гремело легендарное
«Даешь!»,
К нам долетевшее
Из Первой Конной.
«Даешь Магнитку!»
И «Даешь Кузбасс!».
«Даешь в аэроклубы!»
Целой школой.
В сердцах погодков
Никогда не гас
Неукротимый
Огонек веселый.
Царил не быт —
Царило бытие.
И, предано Отчизне
Каждым нервом,

Надело поколение мое
Шинели добровольцев
В сорок первом.
Нет, вовсе мы
Не поздно родились —
Пусть нам теперь
Завидуют другие!..
Со мною об руку
Идет всю жизнь
По яростным тридцатым
Ностальгия.
По слову легендарному
«Даешь!»,
К нам долетевшему
Из Первой Конной...

В тридцатых закалили нас,
Как нож
В печи закаливают
Раскаленной.

ВETERАНЫ

Нас война
Своей накрыла тенью,
Словно «мессершмитты»
Батальон,
И приговорила
К бюллетеням...
Душно —
Снова воздух раскален,
Вновь проклятой кисточкой
По горлу
Начинает щекотать боль,
И опять приходится покорно,
Как в сугробы,
В простыни залезть.
Ночи напролет
Колотит кашель,
Ночи напролет
Огнем горю.
«Да, нас мало,
Но ведь мы в тельняшках», —
Сверстникам
С усмешкой говорю.
«Мы еще поборемся,
Солдаты,
Мы еще продвинемся вперед.
В нашей жизни
Был и сорок пятый,
А не только
Сорок первый год!»

СВЯЗНАЯ

Я порою себя
Ощуцаю связанной
Между теми, кто жив,
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки
Бегут, торопясь,
Все прочней эта связь,
Все тесней эта связь.

Я — связанная.
Пусть грохот сражения стих —
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связанная,
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт —
Даже тот,
Кто в безвестной могиле
Лежит...

* * *

Старуха, ровесница века,
В одну из торжественных дат
Сидит в помещении жэка —
Впервые пришла на доклад.

Раздумье в слезящемся взоре,
Глубоко вздыхает она
О том, что в стране Сальвадоре
Сейчас полыхает война.

Сном вечным солдатским почили
Три сына старухи подряд...
Потом о стране Кампучии
Соседи вокруг говорят.

Подкована бабка не очень,
Про страны те слышит впервой.
Но помнит горящие ночи
Далекой второй мировой.

Она вот осталась на свете,
А мальчиков — мальчиков нет...
Глаза обжигает ей ветер
Дымящихся огненных лет.

* * *

Устав, сошла с лыжни
На два шага,
Газету взяв из рюкзака,
Стою.
Смотрю на девушку
Из Никарагуа,
Но думаю
Про молодость свою.

Ах, девушка,
Минуй тебя война!..
Но за спиной наемников стоит
Из ненависти черная стена,—
Ее зовут народы —
Геноцид.

Ах, девушка из Никарагуа!
Уже ты чистишь
Старый пистолет...
У нас снега,
Дремучие снега,
У вас спасения
От солнца нет.
Чей это посвист —
Пуль или пичуг?
Я знаю,
С непривычки не понять.

Газету спрятав,
Выхожу на круг

И по большой лыжне
Скольжу опять.

Метут, метут
Дремучие снега.
Я песенку военных лет пою
И думаю про Никарагуа,
Как думают
Про молодость свою...

ФАШИСТЫ

Не модерняг убогие потуги —
Их восхищали
Баховские фуги.
Они любили
Деток и супруг,
Их умиляли
Киски и голубки —
Тех нелюдей,
Что под раскаты фуг
Европу загоняли
В душегубки.
Германия Бетховена и Гёте,
Германия Освенцима и гетто...
Понять немыслимо, ей-богу,
Как могла
Со светом так перемешаться
Мгла!..

СКОЛЬКО СТОИТ СТРАДАНИЕ?

«Дикий Запад!»
Мустанги, лихие ковбои,
На потертых тыхасах
Из кожи заплаты:
Я, Америка,
В детстве
«Болела» тобою —
Романтичные
Соединенные Штаты!

«Дикий Запад!»
Смотрела я вестерны
С дрожью,
Зачитала до дыр
Все творенья Майн Рида...
Не забыла,
Что парни Америки тоже
С нами в интербригадах
Дрались у Мадрида.

Только вы позабыли
На Эльбе свиданье,
Поцелуй и слезы,
Ладонь на ладони.
Слышишь, Джонни,
Бейрутских детишек рыданье?
То сжигают их
Ваши союзники,
Джонни.

Не бывало такого
Еще на планете —
После этого как вы
Смеетесь, поете?
Плачут мертвые дети,
Никарагуа дети,
Что летели на сбитом
Тобой вертолете.

Да, тобою, тобой!
Отпираться не нужно.
Хоть стоишь в стороне —
От погибших не скрыться.
Это ты, улыбаясь,
Вручаешь оружие
Тем, кто хочет и может
Работать убийцей.

И повсюду, повсюду,
Где горы и доли
Просыпаются в фосфорном
Жутком сиянье,
Нагло звякает доллар,
Кровью пахнувший доллар —
Сколько стоит страданье?
Сколько стоит страданье?..

БЕЙРУТ, БЕЙРУТ!

Горят дворцы
И хижины Бейрута.
Опять бомбежка,
Снова артналет.
Как в черный саван,
В черный дым закутан,
Несчастный город
Спать мне не дает.

Там смотрят люди
С ненавистью лютой
В небесную густую синеву —
В обугленных развалинах
Бейрута
Паучий знак
Я вижу наяву.

Пусть не в фашистской форме —
Форме новой
Там смерть с детьми воюет,
Словно встарь.
Фашизм —
Опять воскресло
Это слово.
В руках убитой девочки —
Букварь...

Ливан, Ливан!
По улицам руинным
Грузовики зеленые ползут.

С последними бойцами
Палестины
Прощается дымящийся Бейрут.

И женщины платками машут,
Плача.
Как мне понятна
Их святая боль!..
Так что ж —
Фашисты победили, значит?
Проигран бой?
Нет, не проигран бой!

Уходят палестинцы
За границу,
Чтоб был Бейрут
Израженный спасен.
Но не погасли
Молодые лица —
Никто не сломлен
И не побежден.

В руках оружие,
А в стволах патроны.
Жить без отчизны?
Легче пасть в бою!
Уходят палестинцы
За кордоны,
Чтоб воевать
За родину свою!

ПЕРВОЕ ПИСЬМО К МИССИС ЭНН СМИТ

1

Не обращаюсь
К знаменитым людям —
Общаться с ними
Мне не довелось.
Давайте с вами,
Миссис Смит, обсудим
На нашем — скромном — уровне
Вопрос.
Вы помните
Пустой полночный город,
Уснувшего Арбата тишину,
Дробь наших каблучков
И наши споры
Про все на свете —
Даже про луну?..
Сейчас года
И океан меж нами
И черный дым
Неправедной войны.
Однако на волну воспоминаний
Свои сердца
Настроить мы вольны...

2

В раковине крошечной эстрады,
С головой, откинутой назад,

Дочь республиканца из Гренады
Запевала марш интербригад.
В раковине крошечной эстрады,
В старом парке у Москвы-реки
Худенькой москвичке из Гренады
Подпевали мертвые полки.
За ее покатыми плечами
Проходили в боевом строю
Русские, французы, англичане —
Рыцари всех стран,
Что защищали
Горькую Испанию мою.
Да, мою,
Поскольку в пятом классе
Я бежала защищать Мадрид —
Я и рыжий конопатый Вася,
Что потом
Под Ельней был зарыт.
Нас домой с милицией вернули...
Шли года.
Была я на войне.
Но болит невынутою пулей
То воспоминание во мне.
Энн, была я бесконечно рада,
Что приемной дочери Москвы —
Худенькой смуглянке из Гренады
Долго аплодировали вы...

3

Мы шли в отель
Сквозь весь уснувший город.
Вы помните
Московскую весну,
Дробь наших каблучков
И наши споры

Про жизнь и смерть,
Про мир и про войну?
И был, конечно,
Разговор о детях.
Узнала я,
Что Джон у вас — добряк.
Готов отдать он
Нищим все на свете
И обожает кошек и собак.
Шутили вы.
И только на прощанье
Вдруг бросили:
«Забыть мы не должны —
Мятеж, когда-то
Вспыхнувший в Испании,
Стал первой искрой
Мировой войны...»
Прошли года.
И многое — меж нами.
Но, может, вы
Услышите меня?
Поговорим,
Конечно, о Вьетнаме —
Испании сегодняшнего дня.

4

Когда над полями риса
Тревожно гремят тамтамы
(Вот так же у нас по селам
В войну грохотал набат),
Детей затолкав в укрытье,
Не прячутся с ними мамы —
На пост свой,
Схватив винтовки,
Привычно они спешат.

Пикируют бомбовозы,
А женщины — как тростинки:
На тоненькую фигурку
Пикирует бомбовоз!
Еще не бывало в мире
Трагичнее поединка:
Прищурившись, из винтовки
Тростинка по асу бьет!
Все стихнет.
Живые мертвых
Без слез и без слов оплачут
И, стиснув до боли зубы,
Вернутся в поля опять.
До следующей бомбежки...
А как поступить иначе?
Нельзя малышам без риса,
Нельзя урожай не снять...

5

Вы помните
Пустой полночный город,
Застенчивую русскую весну,
Дробь наших каблучков
И наши споры
Про все на свете —
Даже про луну?
Да, мы по-разному
О многом судим,
Совсем по-разному
Глядим на жизнь.
Но вот в одном
Как будто бы сошлись —
Всегда людьми
Должны остаться люди...
Однако ас,
Не ведающий жалости,—

Ваш добрый,
Ваш сентиментальный Джон...
Эх, миссис Смит,
Скажите мне, пожалуйста,
Как это в зверя
Превратился он?..

6

Ему повезет, быть может:
Он к матери возвратится,
Увешанный орденами,
Лишь ногу чуть волоча.
Но вам обнимать не сына —
Расчетливого убийцу,
Убийцу детей и женщин,
Холодного палача.
От этой проклятой мысли
Вам некуда будет деться,
И будете вы метаться
И всхлипывать по ночам.
Украли у Джона совесть,
Украли у Джона сердце,
Когда посылали парня
Карателем во Вьетнам.
А если частица сердца
Осталась еще у сына,
То Джону, как говорится
В России у нас, — «труба»:
Припомните, Энн, про парня,
Бомбившего Хиросиму...
Но, может быть, ждет другая
И Джона, и вас судьба...

7

Пират пошел
В последнюю дорогу —

В пике. Смертельное.
В пасть дьяволу. Ко дну.
Не только женщины-тростинки,
Слава богу,
Оберегают гордую страну!
Зароется горящим носом в поле —
Чужое поле! —
Сбитый бомбовоз.
Ваш Джон...
Он заслужил такую долю.
И что за черт
Его сюда занес!
Что потерял ваш мальчик
Во Вьетнаме —
Юнец, что не дожил
До двадцати?..
И вспомнит Джон
В последний раз
О маме,
Что, может быть,
Могла его спасти...

8

Миссис Смит!
Может, есть еще время
Материнское слово сказать?
В русской сказке
Цеплялась за стремя,
Стремя сына-разбойника
Мать...
Да, эпоха теперь
Не такая,
Но еще беспощадней
Война...
Гибнут люди,

Звенят, не смолкая,
Опустевшие их стремяна.
Гибнут парни
В стране незнакомой,
Заработав презрение —
Не честь...
Может, Джон ваш
Пока еще дома,
Может, время у вас
Еще есть?
На Руси,
Уцепившись за стремя,
Не пускала разбойничать
Мать...
Миссис Смит,
Может, есть еще время
Материнское слово сказать?

1968

ВТОРОЕ ПИСЬМО К МИССИС ЭНН СМИТ

Хотелось, чтоб
За праздничным столом,
В рождественский,
Пропахший хвоей вечер,
Вы, миссис Смит,
Вздохнули о былом,
Припомнив нашу
Дружескую встречу.
То было
Много лет тому назад,
Я вам Москву
Показывала ночью.
У вас светились
Радостью глаза,
А фонарей
Уже тускнели очи.
Тогда вам нравились
Огни Москвы —
То отрицать
Вы станете едва ли...
У вас рос мальчик,
Не хотели вы,
Чтоб он стрелял
И чтоб в него стреляли.
Вот в этом —
Самом главном —
Мы сошлись.
А в остальном...
Не манекены люди.

Нас разделяло много:
Жизнь есть жизнь.
К ней с трафаретом
Подходить не будем...
Потом, когда с оружием
Во Вьетнам
Вдруг ворвались
Зеленые береты,
Я, если помните,
Писала вам,
Но вы не удостоили ответом...
Я и теперь
Его не слишком жду,
Хоть написать письмо —
Такая малость...
Неужто вы хотите,
Чтоб в аду —
В аду! —
Планета наша оказалась?
А часть ее
Уже и ныне ад —
К вам из Бейрута
Долетает ветер?
Горят живые факелы,
Горят —
То палестинцев
И ливанцев дети...
Эх, миссис!
Разве ваше сердце —
Лед?..
Наденьте траур,
Говорите тише —
Энн, вам не снится
Сбитый вертолет,
В котором семьдесят
И пять детишек?..

Кто над Европой
Крылья распростер?
Кто стравливает
В Азии народы?
Не разжигайте
Атомный костер
На месте вашей
Статуи Свободы!

МЫ ОБЕТАМ ВЕРНЫ

Он ползет и ползет,
Словно кровь
По отравленным венам, —
Черный ужас, который
Зовется «нейтронная смерть».
Время послевоенное
Стало опять предвоенным —
Этой правде жестокой
В глаза надо прямо смотреть.

В сорок пятом казалось —
Навеки прикончены войны,
Обнимались на Эльбе
И в дружбе до гроба
Клялись...
Мы обетам верны.
Но уверенно,
Строго,
Спокойно
Смотрим правде в глаза:
Замахнулись безумцы
На жизнь.

Позабыли, должно быть, —
У русских железные нервы
И высокие души.
Клянусь поколеньем своим:

Если нас не сломили
В проклятом, в святом
Сорок первом,
То и ныне планету
От гибели мы защитим.

ЗА НАДЕЖДУ!

Новый год —
Это праздник надежды.
За надежду
Поднимемте тост.
Это — мост между прошлым
И между
Неизведанным будущим мост.

Легкой жизни
Желать мы не будем:
Не бывает
Такой на земле.
Я желаю вам,
Добрые люди,
Просто крепко держаться
В седле.

Я желаю вам счастья.
Но если...
Оставайтесь везде и всегда
Вы солдатами армии Чести,
Что берет Добротой города.

СОДЕРЖАНИЕ

«Редко подолгу...»	3
Гостья	4
Новогодняя ночь	6
Про золотую рыбку	8
До той поры...	9
Белый пух	11
Солнце — на лето	12
Есть в России святые места... . . .	13
«Какие только...»	14
Графиня Воронцова	15
Болдинская осень	17
Наталья Пушкина	20
Враг Чехова	23
«Ушел туда...»	25
«Припоздала зима...»	26
«Как при жизни тебя любили!..» . .	28
«Что горше разлуки...»	29
«Зачем нам дарит жизнь...»	30
«И откуда...»	32
Голос Игоря	34
На бастионах	36
«Уклончивость...»	38
На родине Сергея Орлова	39

Сергею	41
«Эта крымская осень...»	43
Воробьи	45
Осень в Пловдиве	46
«На печаль...»	48
«Твои тюльпаны...»	49
«Да, все границы стерты...»	50
«Как тоскуют в ночи поезда...»	51
«Мне кажется...»	52
«Три дня...»	54
«Я так грущу...»	55
«Которую ночь не спится...»	57
«То ли гордость...»	58
«До чего весною четки...»	59
«Люблю отчаянно и глупо...»	60
«Стало зрение сердца острее...»	61
Не убили молодость мою	62
«Все просят девочки...»	64
«Ты разлюбишь меня...»	65
Прощание	67
Встреча	70
«Стареют не только ..»	71
«Ошиблась, как девочка?...»	73
Старая дача	74
«Прошу, любимый мой, прости...»	75
«Кузнечик»	77
«На берегу скучно...»	79
На путях-перепутьях	81
Застолье	82
Старая лента	83

Ностальгия по тридцатым	84
Ветераны	86
Связная	87
«Старуха, ровесница века...»	88
«Устав, сошла с лыжни...»	89
Фашисты	91
Сколько стоит страдание?	92
Бейрут, Бейрут!	94
Первое письмо к миссис Энн Смит .	96
Второе письмо к миссис Энн Смит .	103
Мы обетам верны	106
За надежду!	108

Друнина Ю. В.

Д76 Солнце — на лето: Стихи.— М.: Сов. писатель, 1984.— 112 с.

Фронтовые стихи соседствуют в этой книге со стихами о нынешних заботах и тревогах наших современников, с поэтическими откликами на острые события международной жизни

4702010200—389

Д ————— Без объявл.

Р2

083(02)—83

Юлия Владимировна Друнина

СОЛНЦЕ — НА ЛЕТО

М., «Советский писатель», 1983, 112 стр.
Без объявл.

Редактор *В. К. Семакин*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редакторы *Н. Н. Талько, Ю. Н. Чистякова*

Корректор *Т. Н. Гуляева*

Сдано в набор 25.08.83. Подписано к печати 04.10.83.
А04172. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1. Обык-
новенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,90.
Уч.-изд. л. 3,52. Тираж 50 000 экз. Заказ № 622.
Цена 35 коп.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109